

Traducción al ruso de: Anoushka Ajemyan Mkrtchyan

De los poemas: Ella, la nunca hija. Ana Arzoumanian

Из сборника поэзии “Она, Дочь Никогда”

1)

Todo comenzó con una mentira,
fumigando.
Bocanadas de tufo entre las manos,
la combustión de los mazazos
sobre el país vaciado de los cuerpos;
el golpe religioso
de la desinfección.

Все началось с вранья,
с дымящейся лжи.
В руках клубится вонь,
горящие удары
в стране опорожненных тел;
религиозный insult
дезинфекции.

2)

Y la otra sangre
la que no corre,
la del olor ácido
de las mujeres
de la sangre que no les corre.
La sutura de las piernas,
su puntiaguda rigidez, algo
mutilado invisible sobre la arena,

sobre la arena hasta el mar,
hasta el mar que se come el barco;
sobre la arena del destierro que disuelve
se bebe las tinajas de lunares,
y el aire cerrado, cóncavo,
paladas en la respiración, que empuja
arrastra los raídos vestidos
de las mujeres
de la sangre
que no corre.

И другая кровь,
которая застыла,
которая воняет кислятиной
женщин с застывшей кровью,
шов на их ногах,
его острая оцепенелость, что-то
невидимое и изуродованное на песке,
на морском песке,
на том море, которое проглатывает корабли,
на песке, на котором растворяются ссыльные,
выпивая с кружки волнореза,
а воздух пасмурный, по краям,
захлебнувшись дыханием, толкая,
притягивая простенькие платица
женщин, у которых застыла кровь.
И та, другая кровь,
тоже не течет.

3)

No es calladita la muerte,
hace ruido el pulsador,
ruido la placa.
Le hace ruidos la muerte
como un estropajo que frota
su rígida aspereza.
Entonces ella canta,
canta para no escuchar;
no le cuesta nada
pasearse con la orquesta,
con todo el griterío atirantado.
Pero luego se levanta, se arma,
mete ruido, cruje el vocerío,
y ella canta para no escuchar
el aliento desinhibido, el rugido
de madres plañideras,
la acumulación bulliciosa del acero.
Ella canta la tonada el tarareo
del impacto en la nuca las sienes.
Si la obligan, no le cuesta nada
no escuchar la pedrada,
por eso ella canta y canta
bajo la marea comprimida de su voz
para ahogar en bóvedas
a la muerte.

Смерть- она не тихая,
Шумит она курком,
Шумит тарелкой.
Для нее смерть шумная,
И как скребется по острой,
Грубой поверхности.

Когда она поет,
Она поет ни для кого,
Она легко прогуливается с оркестром,
Со всеми напряженными криками.
Но затем оно поднимается, начинается,
Шумит, ворчит и орет,
А она поет ни для кого,
Пустынное дыхание, рычание скорбящих матерей,
Груды металлолома.
А она поет: ля-ля-ля...
Выстрел в шею, в виски.
Если они ее заставят, будет легче
Не услышать удар камнем,
Поэтому она и постоянно поет,
И под густыми отливами ее голоса
Скрывается смерть под сводами.

4)

No habló
durante algunos días,
no tenía nada que decir;
petrificada en su garganta
una afluencia estrujada de hormigas,
un amontonamiento de sogas,
volutas de un humo
pegoteado de insectos,
de bichos raros,
un pilón abarrotado de trapos
en el corralón de su garganta,
allí donde ella guarda
un agua entumecida, oxidada,
en esa palangana, ahí,

la atrofia del latido,
lo no versificado
de su miedo.

Она не говорила
Несколько дней.
Не о чем было говорить,
У нее в горле застряли и окаменели
Легионы муравьев,
Какие-то веревки,
Колонны дыма
Полные насекомых,
Чудаки,
Груды одежды
В ее горле,
Там, где она держит ржавую воду,
В этом блюдце, там,
Атрофия сердцебиения,
Не в стихах,
А в ее страхе.

5)

No descansa en paz.
Ponen crisantemos
en su cámara oscura,
la llave en el escondrijo.
No duerme, no descansa,
no termina de morir.

Se vence el armazón
y se confunde con la tierra.
Al pie del hoyo rezan,
limpian las losas del pudridero
y la vuelven a matar.
No descansa en paz
En los ojos de los hijos
se quema un túmulo de odio
que no cava niñerías.
En el hornillo hasta la ortiga sangra.
Y no es una equivocación,
la que ahí yace muerta
todavía no murió.
Firmes manos que rocían las cenizas
aprietan la amasadura, cortan mi pan.

Она не покоилась миром
Они поставили вазу с хризантемами
в ее темной комнате,
Ключи в тайном месте.
Она ни спит, ни отдыхает,
Никогда не перестает умирать.
Скелет деформируется
И смешивается с пылью.
Они столпились на краю ямы,
Чистые камни из мусора
И снова убивают ее.
Она не покоится с миром,
В глазах сына
Горит пламя ненависти,
Не вдаваясь в нелепости.

Даже чайник кровоточит на плите,
И это не ошибка,
Та, которая там лежит мертвая,
Еще не мертва.
Руки рассыпают прах,
Месят тесто, и режут мой хлеб.